

Се Цюши любил убивать в белом.

В обычные дни он этот цвет не жаловал — предпочитал кричащие, пестрые наряды: то ярко-красный, то травянисто-зеленый, то густо-фиолетовый. Порхал праздной бабочкой среди благоухающих цветов, ни разу не показавшись в одном и том же платье два дня подряд.

Но когда дело доходило до убийства, он до крайности любил чистоту.

В Пути призраков насчитывалось десять резиденций, и каждую охранял свой призрачный генерал. Половину из них Се Цюши уже отправил на тот свет. Сегодня, получив новый указ, он прибыл сюда.

Эта обитель звалась Переправой Персикового источника.

Заложив левую руку за спину, Се Цюши держал в правой бумажный веер. По его запястью скользила нить изумрудных четок: часть бусин обвивала остов веера, остальные ластились к пальцам.

— Бежать собираешься? — с улыбкой спросил он призрачного генерала, охранявшего Переправу Персикового источника. — Если надумаешь, так и быть, дам тебе фору — пока догорает палочка благовоний.

Старый призрачный генерал лишь смиренно сидел за столом.

— Побегу я или останусь, сегодня мне все равно не избежать смерти, — глухо проговорил он.

— Верно, — Се Цюши одобрительно кивнул и легонько стукнул веером по ладони. — Люблю людей, которые знают свое место.

Генерал промолчал. В комнате повисла тишина.

Спустя долгое время безмолвие нарушил хриплый, надтреснутый голос:

— И все же... мне трудно поверить. — Генерал медленно поднял иссушенное, покрытое глубокими морщинами лицо. В его мутных глазах на миг сверкнула былая острота. — Ты забираешь жизни так легко, словно топчешь пыль под ногами, однако к тебе не липнет ни капли зловещей ци. Даже великий Бессмертный владыка Интая в свои лучшие годы вряд ли оставался настолько чист...

— Ну, потому-то он и мертв, а я все еще дышу, — Се Цюши беззаботно свистнул, выдохнув струйку белого пара. — Ты только не обижайся, я и сам от этого не в восторге. Ладно еще драться да резать тех, с кем у тебя счеты: тут и взаимность есть, и причина. А вот убивать

беззащитных младенцев или беременных баб — тоска смертная. Вечно кажется, будто взялся не за свое дело. Так и хочется крикнуть им, чтоб шевелились быстрее да сдачи дать попробовали!

Генерал слушал как завороченный. Из-за ширмы позади него донесся едва слышный шорох. Сквозь мерцание свечи угадывались смутные силуэты — его старая жена и маленький сын испуганно жались друг к другу.

— Да вы не бойтесь, — губы Се Цюши лениво изогнулись в усмешке. — Умирать совсем не больно. Один щелчок — и никаких больше забот и тягот. А в следующей жизни... Ой, простите, совсем из головы вылетело: у вас-то, почтенные, следующей жизни не предвидится.

Он хлопнул в ладоши, выдержал паузу и мягко продолжил:

— Ладно, поболтали и хватит. Давайте, если хотите напоследок перемолвиться словечком или обняться да поплакать вместе — милости прошу. Я человек терпеливый и добрый, подожду. Спешить некуда.

Тени от свечей беспокойно дрожали. Его слова, точно брошенные в сугроб камни, канули в пустоту — ни звука в ответ.

— Что такое? Совсем нечего сказать?

— М-м?

— Тогда я считаю до трех.

— Три.

— Два.

— Один.

Тяжелые грозовые тучи расколол удар грома. Бескрайние персиковые сады вокруг, точно охваченные небесным пламенем, с гулом вспыхнули ярким огнем.

Посреди бушующего пламени Се Цюши стоял на горе из трех мертвых тел. Потянувшись к верхней полке шкафа, он достал кувшин с вином, сделал несколько неторопливых глотков, а остатки выплеснул прямо на трупы у себя под ногами.

— Все дела да заботы... Поел — попил, выпил — уснул. Когда же кончится эта суета?.. —

напевал он под нос незамысловатый мотив.

Взмахом широкого рукава он опрокинул стоявшую рядом свечу. Огонь мгновенно перекинулся на одежды призрачного генерала, а затем лавиной хлынул по всей резиденции.

В его движениях сквозила хмельная истома, шаг слегка двоился. Одетый в белоснежные одежды, чище свежесвыпавшего снега, он прищурился, глядя на мечущихся в панике и истошно вопящих призраков. Его синие-зеленые глаза, ясные, словно весеннее небо, светились лукавым, хмельным задором.

— Ну куда же вы бежите? — добродушно бросил он вслед уплывающим теням, капризно растягивая слова. — Ведь все равно никто не спасется.

— Ой!

— Ай!

Шитоу резко выпрямился, очнувшись от дремоты, и со всего маху столкнулся лбом со стоящим прямо перед ним человеком. Оба вскрикнули от боли.

— Ты чего на меня уставился? — возмутился Шитоу, потирая ушибленное место. — Я вообще-то спал! Опять задумал какую-то пакость?

Фу Цинфэн, сидевший перед ним на корточках, сокрушенно потирал покрасневший лоб.

— Ну и крепкий же у тебя котелок...

— Прочь, прочь от меня! — сморщился Шитоу и замахал руками. — Глаза бы мои не видели этих улинцев!

— Это старший соученик Цэнь запер тебя тут, а я вообще-то просил за тебя. Мог бы и поблагодарить вместо того, чтобы плевать ядом, — поспешил оправдаться Фу Цинфэн. — И вообще, почему ты весь взмок? Кошмар приснился?

— Да вроде нет... Не помню ничего, просто жарко, — Шитоу недовольно надул губы. — Фу-гээр, вытри мне пот, а?

— Ладно уж, горе ты мое, — беззлобно усмехнулся Фу Цинфэн. Притянув к себе край широкого рукава, он бережно осушил лоб юноши.

Шитоу, млея от такой заботы, расплылся в довольной улыбке:

— А ты заботливый. Совсем не такой вредный, как твои старшие соученики.

Фу Цинфэн многозначительно протянул:

— Ну-ну... Скоро ты передумаешь.

Шитоу лишь легкомысленно фыркнул:

— И где все? Где твой учитель, где братья?

— Учитель ушел в затвор на несколько дней. Старший соученик Цэнь отправился разузнать побольше о школе Цаншань и тех ядовитых тварях. Юй Дайлань следит за порядком в долине и оберегает адептов. Ну а мне, — Фу Цинфэн уселся по-турецки прямо посреди мелководного ручья и поднял взгляд на юношу, — поручили допросить тебя.

— И как, пытать будешь? — весело поинтересовался Шитоу.

— Обязательно, — заговорщически подмигнул Фу Цинфэн. — Имя, звание, откуда родом? Зачем явился в угодья школы Улин? Какое отношение имеешь к резне в Пещере Водного Утеса? Выкладывай все как на духу, не то пожалеешь.

Шитоу пропустил его угрозы мимо ушей и с любопытством завертел головой по сторонам. Не найдя того, что искал, он разочарованно протянул:

— А где же дыба, плети? Я-то надеялся приобщиться к жутким тайнам великих орденов.

Фу Цинфэн не выдержал и рассмеялся. Он потянулся к висевшей на поясе тыкве-горлянке, с которой никогда не расставался, сделал внушительный глоток прямо из горлышка, а затем плеснул немного хмельного нектара бессмертных в крошечную чарку и поднес к губам пленника.

— На, глотни для храбрости.

Шитоу так и подмывало попробовать. Он осторожно высунул кончик языка, лизнул край чарки и тут же сморщился от резкого вкуса. Однако упрямство взяло верх: зажмурившись, он одним махом осушил чарку до дна.

— Кха-кха! — закашлялся он, высовывая язык, точно запыхавшийся щенок. — Жжется! Огнем горит! Как ты вообще пьешь эту гадость?

Фу Цинфэн так и покатился со смеху:

— Вот теперь я точно уверен, что никакой ты не убийца. Тот, кто даже пить толком не умеет, человека резать не сможет.

— Одно с другим никак не связано! — проворчал Шитоу, часто-часто дыша, чтобы унять пожар во рту. Но в желудке все еще немилосердно пекло, отчего он беспокойно заерзал на месте. — Раз веришь, что я ни при чем, так выпусти меня!

— Старший соученик Цэнь тоже понимает, что ты тут ни при делах, но правила есть правила: пока висит подозрение, придется посидеть под замком, — посерьезнел Фу Цинфэн. Он ухватился за край грубой рыбацкой сети, опутывавшей ноги Шитоу, и потянул на себя. — Вот добудет он неопровержимые улики против школы Цаншань, тогда тебя и отпустим. И непременно отпразднуем это хорошей выпивкой.

— Ну уж нет, больше я к твоему зелью не притронусь, — фыркнул Шитоу. — И вообще, зачем ты лапаешь мою ногу? Неужто и впрямь пытаться вздумал?

Фу Цинфэн крепко обхватил его лодыжку прямо сквозь ячейки сети и потянул вверх. Ступня Шитоу — изящная, с гладкой белой кожей — от долгого пребывания в ледяной воде ручья успела онеметь и казалась бледной, точно речная галька.

Вместо ответа Фу Цинфэн лишь заговорщически улыбнулся. Согнув указательный палец, он легонько провел костяшкой по его босой подошве.

Шитоу опешил, а мгновение спустя испустил истошный вопль:

— Ах ты... негодяй! Прекрати немедленно! Что ты творишь?!

Не обращая внимания на крики, Фу Цинфэн снова скользнул по чувствительной коже — на этот раз кончиками пальцев.

От невыносимой щекотки Шитоу скрючился, пытаясь сжаться в комок, словно потревоженный еж. Но его ноги оставались в железном плену чужих рук. Пальцы на ногах судорожно подогнулись, а подъем выгнулся натянутой струной.

— Ха-ха-ха! Пере... прекрати! Пусти, ха-ха-ха!..

— Ну так что, заговоришь? — Фу Цинфэн на секунду замер и вкрадчиво повторил вопросы: — Твое имя? Кто ты такой? Где твой дом?

Каждое слово сопровождалось новым движением пальцев по незащитной подошве. Шитоу

забился в его руках, извиваясь всем телом и безуспешно пытаясь вжаться в холодную каменную стену позади.

— Да Шитоу я, просто Шитоу! А-ха-ха... Ой, не надо!.. — взвизгивал юноша, содрогаясь от каждого прикосновения. — Обычный я... у-у-у, не щекочи!.. Самый обыкновенный нищий! Мой дом — весь мир... А-ха-ха-ха-ха! Прекрати-и-и!..

— Лжешь и не краснеешь, — притворно нахмурился Фу Цинфэн. — Придется прибегнуть к мерам посуровее.

— Сжался, сжался! — Шитоу отчаянно замахал руками. — Братец! Бессмертный господин! Дедушка ты мой родной! Пощади... А-а-ах!

Не обращая внимания на жалобные мольбы, Фу Цинфэн свободной рукой выдернул из своих волос простую деревянную шпильку и приставил ее заостренный кончик к нежной коже на подошве Шитоу. А затем медленно, с нажимом, провел ею сверху вниз.

— Ой-ой-ой! А-ха-ха-ха-ха! — Шитоу забился в истерику, заливаясь слезами и безуспешно пытаясь отползти назад, хотя спина его давно уперлась в глухую стену. — Не надо, пощади! Хватит... ха-ха-ха... у-у-у... пощади!

Казалось, сотни крошечных муравьев разом побежали по его жилам. В темных, блестящих глазах скопились слезы; крупные капли дрожали на ресницах, готовые вот-вот пролиться, а раскрасневшиеся от крика уголки век напоминали лепестки дикого персика, омытые утренней росой.

Фу Цинфэн на мгновение залюбовался этим ярким, пленительным лицом, но тут же взял себя в руки и строго пригрозил:

— Все еще упрямисься? Если сию же секунду не назовешь свое настоящее имя, я вырежу у тебя на пятках всю «Оду к богине реки Сян» древним стилем чжуаньшу!

«Это же сколько знаков?!»

Шитоу в уме прикинул объем текста, и от ужаса у него едва душа не ушла в пятки.

— Скажу! Все скажу, у-у-у... — заверещал он, сдаваясь.

— Меня зовут Се Цюши.

Хныча и то и дело прерывисто вздыхая, он выдавил из себя по слогам:

— Се Цюши. «Цю» — как осень, «Ши» — как камень.

<http://bllate.org/book/18360/1798418>